

История философии.

15. Эпикурейская философия.

Автор: д-р Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Сегодня я хочу начать с эпикурейцев, но сначала несколько слов о киренаиках. Хорошо. И киренаики, и киники, к которым мы вернемся позже, упоминаются Кауфманом во введении к материалам об этом периоде как сократовские школы.

И всё же, читая их, вы подумаете, что они совершенно не похожи на Сократа, или, читая о них, вы подумаете, что они совершенно не похожи на Сократа. Сократовская заметка представляет собой лишь отправную точку, а не точку согласия. Их отправной точкой, как киренаиков, так и киников, является знаменитое изречение Сократа: «Познай себя, познай себя».

Что, конечно, у Сократа было связано с самопониманием, которое могло привести к процессу совершенствования души. И это не было совсем чуждо киренаикам и киникам, но то, что представляла собой душа и что, по их мнению, могло бы её улучшить, существенно различалось. Киренаики особенно выделяются на этом фоне, поскольку они являются откровенными гедонистами.

Иными словами, благо — это удовольствие. И это было очень индивидуальное стремление к удовольствию, а значит, это эгоистичный гедонизм. Моё удовольствие, эгоистичный гедонизм.

Но в истории этики они, на мой взгляд, представляют собой первую четко выраженную школу мысли, отстаивающую максимальное удовольствие от максимальной интенсивности и максимальной непосредственности, если угодно. Максимальное удовольствие от максимальной интенсивности и максимальной непосредственности. Это своего рода крайний гедонизм.

Как же они к этому пришли? Как они пришли к этому, исходя из сократовского принципа «познай себя»? Цель самопознания — понять, что доставит вам удовольствие. Если вы знаете, что доставляет вам удовольствие, что приносит вам наслаждение, тогда вы можете стремиться к нему. Таким образом, самопонимание становится инструментом гедонистических целей.

Познание Киренской мифологии — это вопрос чувственного опыта. Именно в нашем чувственном опыте мы получаем удовольствие или испытываем боль. А приятные ощущения мы называем благом.

Мы желаем их. Болезненные ощущения, которые мы называем неприятными. Мы стараемся их избегать.

Обратите внимание, что это ощущение подразумевает, что оно в первую очередь имеет физическую основу. Не существует универсальной нормы того, что люди находят приятным. Просто каждый человек стремится максимизировать удовольствие для себя.

Однако есть пара оговорок. Они признают, что безудержное переедание вызывает боль на следующее утро после бурной ночи. И поэтому хотят избежать такого безудержного переедания.

Иными словами, оставайтесь хозяином себе, своему окружению. Будьте разумны в этом отношении. Но, конечно, быть разумным — это всего лишь средство для достижения гедонистической цели.

Хорошо? Это описание характерно для Аристопа из Кирены. Кирена, конечно же, находится в Северной Африке. И именно от этого места происходит термин «киренаический».

Другой человек, чье имя дошло до нас в связи с этим, — это Гегасий, который отличался тем, что, будучи гедонистом, был пессимистом по отношению к жизни. Иными словами, максимальное удовольствие, которое мы можем получить, — это полное отсутствие боли. Мы не можем создать никакого избытка удовольствия.

В этой жизни. Поскольку самый счастливый исход — это отсутствие боли, лучше всего покончить со всем этим. И он стал консультантом по вопросам самоубийства.

Говорят, что его уволили с преподавательской работы из-за того, что он терял учеников. И это вполне объяснимо. Но результат получился довольно странным.

Но это не единственный подобный случай. Во-первых, существует целая литература по этике самоубийства. Начиная с Гегезиуса и заканчивая французским экзистенциалистом Альбером Камю, жившим в XX веке.

Между ними находится множество других. И часто те, кто находит оправдание для самоубийства, делают это из гедонистических соображений. Из гедонистических соображений.

Иными словами, если вы хотите минимизировать боль и максимизировать удовольствие, а избытка удовольствия не существует, то что остаётся для

минимизации боли? Понимаете? И вот такая рационализация на этом этапе. Что ж, киренаики — интересное начало гедонистической этики.

Это крайний вид гедонизма, который вскоре смягчается. И со временем киренаики просто растворились в растущем эпикурейском движении, которое представляет собой более умеренный вид гедонизма.

Более умеренная версия. И два имени, имеющие для нас важное значение в эпикуреизме, — это имя Эпикура, очевидно, давшего название этому течению. А другое — это имя римского поэта I века Лукреция.

Лукреций. Его труд «Природа вещей» — это, скажем так, развернутая философская поэма. Существуют переводы белым стихом.

А если вас интересует поэзия, описывающая целую механистическую космологию и развивающаяся из неё, теорию чувственного восприятия и этики, а также политическую теорию — всё это в одном огромном, длинном стихотворении белым стихом, — тогда, безусловно, взгляните на «Природу вещей». Поскольку «Природа вещей» довольно расплывчата, некоторые современные версии дали ей название «Природа Вселенной». Что, конечно же, делает её столь же всеобъемлющей.

Просто это звучит немного лучше, чем «Природа вещей». Что такое вещи? Ну, вся вселенная, понимаете. И именно об этом, собственно, и повествует это стихотворение.

Итак, эпикурейская поэма, если говорить о природе вещей, а точнее, поэма Лукреция, представляет собой попытку систематизировать и развить то, что Эпикур сделал в III веке до н.э., Лукреций — в I веке до н.э., Эпикур — в III веке.

А концепцию удовольствия, на которой они делают акцент, они называли атараксией. Атараксия. Те из вас, кто знаком с греческим языком, узнают альфа-приват, который является отрицательной приставкой.

А глагол *tarasso* означает досаждать, беспокоить, избивать. Бить. Таким образом, атараксия, как они её определили, — это свобода от боли в теле и душевных страданий.

Освобождение от боли в теле и душевных мук. Таким образом, вопрос удовольствия и боли связан как с телом, так и с душой. Понятно? Освобождение от боли в теле, душевных мук.

Некоторые комментаторы отмечают, что умеренность могла быть обусловлена тем, что Эпикур страдал от язвы желудка и поэтому должен был избегать боли в

теле. И, следовательно, он, по крайней мере, смягчал физическую сторону гедонизма. Но в любом случае, они стремились к жизни, полной удовлетворения.

Жизнь, полная удовлетворения, обретенная в свободе от всего, что может ее беспокоить, расстраивать или досаждать. Именно поэтому Эпикур и Лукреций проводят качественное различие между удовольствиями. Довольно легко представить себе и количественные различия между удовольствиями.

Это гораздо болезненнее. Это гораздо приятнее. Но как только вы начинаете пытаться это сделать, вы понимаете, что разница заключается не только в количестве.

Можно сказать, что стоматолог, который обезболивает десны, причиняет меньше боли, чем тот, кто этого не делает. Количественное сравнение таким образом достаточно простое. Но как сравнить зубную боль с болью брошенного возлюбленного? Это же совершенно разные вещи.

Как их сравнивать? Качественный аспект гораздо сложнее. И все же он так важен. Поэтому их интересуют качественные различия, измеряемые не количественными показателями, а с точки зрения высокого качества по сравнению с низким качеством.

Высокое качество против низкого качества. При этом, конечно, удовольствия более высокого качества – это удовольствие от хорошей компании, от хороших друзей. Удовольствие от образования.

Удовольствие от жизни в справедливом обществе. От обладания тем, что требуется природе, вместо постоянного чрезмерного потакания своим желаниям. Вот высшие удовольствия.

Суть в том, что высшие удовольствия сами по себе доставляют больше удовольствия. И сами по себе они тоже доставляют больше удовольствия. Дружба.

Хорошая компания. Обучение. И так далее.

Если говорить более конкретно. Это тот вид гедонизма, к которому они стремятся. Но самое важное в этом то, что они пытаются обосновать этот гедонизм метафизическими соображениями.

А метафизика, на которой это основано, — это атомизм, атомистический материализм Демокрита. Теперь вспомните Демокрита. Вернемся к досократикам.

Вас предупреждали, что они должны быть у нас под рукой. Но Демокрит был плюралистом, утверждавшим, что всё состоит из атомов в пустом пространстве. Созданных неким космическим вихрем, который вращает эти атомы различных форм и размеров.

Они объединяются, образуя более крупные соединения. И всё, что является результатом этого случайного процесса, создаёт тот мир, в котором мы живём. Ну, очень, очень похожий, за исключением одного существенного различия, которое наблюдается у Лукреция и Эпикура.

Иными словами, вместо того чтобы считать, что космический вихрь вращает всё вокруг, они придерживаются, как им кажется, более очевидной эмпирической точки зрения. Всё постоянно рушится .

Таким образом, естественное движение атомов — это просто вертикальное падение, вертикальное падение. И именно из-за этих столкновений образуются соединения. Теперь перейдем к тому, как он это объясняет.

Давайте рассмотрим отрывки из произведений Эпикура, начиная со страницы 454. Начиная со страницы 454. Представленная им картина — это классический пример подобного материализма.

Классическое изображение. Оно появилось в эпоху Возрождения, во время научной революции, которая тогда произошла.

Как вы знаете, в XVI и XVII веках произошла научная революция, в которой участвовали Галилей, Коперник, а систематизацию провел Ньютон. Это был переход к механистическому объяснению.

Таким образом, вся физическая вселенная объясняется движением частиц материи под воздействием физических сил. И сторонники этой науки весьма охотно цитировали Демокрита.

Как человек, который произвел на них наибольшее впечатление. Более того, когда мы обращаемся к философам, таким как Фрэнсис Бэкон и Томас Гоббс, мы обнаруживаем, что они тоже цитируют Демокрита.

И апеллировать к такому виду демократического атомизма. Таким образом, мы получаем картину, имеющую непреходящее значение. В некотором смысле, да.

Хорошо, на 454. 454 в первом столбце. Центральный абзац, второе предложение.

Вы это сразу замечаете. Ничто не возникает из того, чего не существует. Это классическое греческое изречение.

Классическое выражение также в римской философии. На латыни: *ex nihilo nihil fit*. Из ничего ничего не возникает.

Из ничего ничего не возникает. Ничто не возникает из того, чего не существует. И это, конечно, характерно для всех досократиков.

Это характерно для Платона и Аристотеля. Элементы вечны. В данном случае вечны атомы.

Если всё состоит из атомов и пустого пространства, то атомы и пустое пространство должны быть вечными. Несотворенными, понятно? Вот основные понятия.

И действительно, именно так он продолжает в следующем абзаце. Он говорит, что всё бытие состоит из тел и пространства. А чуть дальше, в следующей колонке, — из суммы вещей.

Оно безгранично из-за множества атомов. И из-за размеров пустоты. Множество атомов, размеры пустоты.

Нет конечного числа, бесконечное число. Огромное, бесконечное. Так что основные составляющие довольно просты .

На странице 455, первый полный абзац. Атомы находятся в непрерывном движении. На протяжении всей вечности.

А затем в следующем абзаце указывается, что они существуют извечно. Атомы и пустота. Позже он говорит, что они бывают разных форм.

Разные формы, несколько разные размеры. Позже , на странице 457, если хотите проверить это, он указывает, что, хотя они и имеют разные формы.

Разный вес. Разный размер. Это всё, что мы можем сказать, основываясь на наблюдениях.

Он проводит различие, которое становится очень важным. Различие между первичными и вторичными качествами, как их будут называть позже .

Первичные качества — это пространственные свойства. Размер, форма, занимаемое пространство, плотность, а следовательно, и вес. Но не вторичные качества.

Иными словами, качества, которые мы воспринимаем с помощью отдельных органов чувств. Цвет, запах, вкус, звук, ощущение, текстура. Не вторичные качества.

В XVI и XVII веках это сводилось к тому, что первичные качества рассматривались как объективно реальные. Свойства вещей, физических тел. Вторичные качества рассматривались как субъективные.

Это лишь отражение вашего личного опыта. Субъективно. Это лишь отражение вашего личного опыта.

Для того чтобы провести это различие, необходима теория чувственного восприятия. Как работает чувственное восприятие? Вторичные качества должны быть субъективными. И Эпикур предлагает объяснение этому явлению.

На странице 455, вверху второй колонки. Новый абзац. Там он говорит, что существуют контуры или пленки, имеющие ту же форму, что и твердые тела, но очень тонкие.

Чтобы мы не могли этого увидеть. Эти прозрачные пленки как бы отслаиваются от физических тел. Если они прозрачные, то они бесцветны.

Вы их не видите. Но эти движущиеся в пространстве пленки проникают через органы чувств, например, через глаза, и воспринимаются внутри. И, будучи воспринятыми внутри, они уменьшаются в размерах, но сохраняют свою форму.

Таким образом, мы воспринимаем формы. Без цвета. Без запаха.

Без вторичных качеств. Таким образом, вторичные качества — это качества нашего опыта, сформировавшиеся в процессе. Но не качества внешних объектов.

Понятно? И это, по сути, та теория, которую вы найдете у Джона Локка в конце XVII века. Согласно ей, вторичные качества могут быть в конечном итоге вызваны физическими стимулами в сочетании с разумом, мозгом и нашим физическим аппаратом. Но они носят чисто субъективный характер.

Они создаются субъективно. В них нет объективной реальности. В конце концов, в этой материалистической механистической вселенной, вспомните строки Теннисона: «Могу ли я взять нечто столь мертвое и принять его ради своего смертного блага?» Бесцветный, без запаха, без ощущений, этот мертвый материальный мир.

Видите ? Вот такая картина формируется позже , и она начинает неявно проявляться здесь, у Эпикура. Пустое пространство, следовательно, неограничено во всех направлениях. Атомы падают вертикально в пространстве.

Как же тогда они сталкиваются, чтобы вызвать какие-либо возможные изменения? Путем комбинаций. И именно Лукреций очень ясно это объясняет. Он предполагает, что в процессе падения случайный атом без какой-либо известной причины может сбиться с курса.

Лукреции же склонны к отклонению. Это как блестящий мяч, брошенный в бейсболе, который отклоняется от курса и, таким образом, порождает явления. Этот отклоняющийся атом затем, как правило, запускает цепную реакцию, подобную столкновению на автостраде.

Столкновение за столкновением, комбинация за комбинацией повторяются. И хотя это кажется невероятным, он пытается сказать, что в природе присутствует элемент неопределенности и непредсказуемости. Элемент неопределенности и непредсказуемости в природе.

Именно благодаря этому элементу причинной неопределенности возникает то явление, которое мы считаем человеческой свободой, — явление, которое, по сути, происходит, когда в изначально целостных причинно-следственных связях появляется разрыв. Таким образом, именно эта причинная неопределенность позволяет происходить непредсказуемым вещам, которые мы считаем свободным действием. Вот так и формируется картина.

Пройдите еще один шаг до страницы 459. 459. И внизу второй колонки вы найдете примечание редактора о том, что душа состоит из самых гладких и круглых атомов.

Самые гладкие и округлые атомы. Да, значит, у вас, по сути, материалистическое представление о душе. Он говорит, что часть её иррациональна, рассеяна по остальной части тела.

Рациональная часть находится в груди, что проявляется в страхах, радости и тому подобном. Таким образом, душа физически состоит, пронизывает все тело, являясь жизненным духом. И, будучи материальной после смерти, душа , то есть эти маленькие, круглые, гладкие атомы, так легко покидает тело.

Таким образом, бессмертия не существует. Но именно здесь он объясняет переживание удовольствия. Потому что если атомы души гладкие и круглые, они будут чувствовать боль; они будут деформированы и иметь острые края из-за шероховатости атомов.

Шероховатые, зазубренные формы будут тревожить душу. В то время как гладкие, круглые атомы, подобные тем, которые вы встречаете в разговоре с хорошими друзьями или в разумной дискуссии, могут доставлять успокаивающие ощущения удовольствия. Таким образом, существует физиологическая основа, лежащая в основе переживания боли.

Теперь осталось поговорить о разуме. Что такое разум? Разум — это просто деятельность ума, души, вызванная, да, физическим процессом, которая просто организует наш опыт и дает названия вещам, что является частью процесса организации. Организует их и дает им названия.

В результате получается чисто условное использование языка. Слова просто имеют условное значение. Но не только слова, а то, как мы организуем свой опыт в любом сообществе, в любом обществе.

Следовательно, способ, которым мы учимся думать о вещах и понимать их, наше теоретическое понимание вещей также носит чисто конвенциональный характер. Поэтому, если бы он говорил о науке сегодня, у него был бы конвенционалистский взгляд на науку, понимаете? Иными словами, наши лучшие научные представления — это просто социальные конвенции.

Традиционные способы описания вещей. Эта точка зрения неоднократно высказывалась на протяжении всей истории науки, вплоть до XX века. Конечно, это далеко не единственная точка зрения, но она довольно часто повторяется.

Итак, заключительная мысль этого письма к Геродоту содержится в конце, на страницах 62 и 63, где он рассуждает о смерти. Если нет жизни после смерти, о которой стоило бы беспокоиться, то смерть не должна вызывать душевных терзаний. А если нет жизни после смерти, то не будет и боли в теле.

Итак, если смерть не приносит ни боли в теле, ни душевных мук, то смерть для нас не является ни хлопотой, ни проблемой, понимаете? И таким образом, мы отбрасываем страх смерти. Думаю, следует сказать, что это, в условиях растущего влияния восточных религий и мистерий, было скорее желанным явлением среди некоторых эллинистов, некоторых римлян.

Они сочли это своего рода освобождением. Результаты этого вы найдете в следующем разделе, озаглавленном «Основные доктрины», где на первых нескольких страницах просто говорится о гедонизме, погоне за удовольствием и о том, как это можно сдерживать, но при этом поддерживать. Но я хочу обратить ваше внимание на комментарии на последней странице, 466, о справедливости.

О справедливости. Одно дело, когда индивидуалист стремится к личному удовольствию, невзирая на то, что происходит с другими. Совсем другое дело, когда человек с более утонченным гедонизмом способен стремиться к удовольствию, совершенно не обращая внимания на несправедливость, которая приносит скорее боль, чем удовольствие.

Если мы говорим о социальных удовольствиях, о благах общества, то нам необходимо какое-то упорядоченное общество, чтобы сделать приятные последствия гарантированными, предсказуемыми и стабильными.

Итак, что же мы подразумеваем под справедливостью? Посмотрите на утверждение в начале абзаца 466, параграфа 31. 1. Естественная справедливость — это выражение целесообразности. Предотвратить причинение вреда одному человеку или причинение вреда другому.

Проявление целесообразности. 33. Абсолютной справедливости никогда не существовало.

Но только в соглашении, заключенном в результате взаимного взаимодействия. Предусматривающем защиту от причинения вреда или страданий. Таким образом, справедливость — это чисто условное понятие.

И 34. Несправедливость сама по себе не является злом. В несправедливости нет ничего inherently плохого.

Но только в последствиях. В ужасе, вызванном опасением. В том, что назначенные наказывать обнаружат несправедливость.

Таким образом, у вас есть не только традиционный язык. Не только традиционная наука. Но и традиционная этика.

Конвенционалистская этика. Никакой другой основы. В конце концов, если мы живем в мире слепых материальных сил.

Мир, состоящий из атомов, лишённых каких-либо, кроме основных пространственных свойств. На каком основании может существовать этика, выходящая за рамки погони за тем удовольствием, которое можно получить в таком мире? Никакого. Поэтому забота о справедливости не связана с какими-либо неотъемлемыми правами.

Это не является необходимостью для обеспечения равного правосудия для всех. А просто вопрос социальной полезности. Таким образом, это чисто условное устройство.

Без каких-либо других ограничений, кроме оценки гедонистических последствий. Довольно просто. Что ж, это, как я уже сказал, систематически развивающийся вид гедонизма.

Об Эпикуре, Лукреции. И нечто очень, очень похожее мы найдем в XVII веке. Когда доберемся до Томаса Гоббса.

Знаком ли кому-нибудь из вас Томас Гоббс, английский литератор XVII века? Сейчас он наиболее известен как политический теоретик. Да, он придерживался материалистического взгляда на Вселенную и человеческую природу.

Своего рода атомизм, подобный теории Демокрита. Гедонистическая этика. Этика, основанная на физиологическом объяснении удовольствия и боли.

Концепция социальной справедливости как условного устройства, основанного на своего рода общественном договоре. Для обеспечения самосохранения. Что является минимальной необходимостью в гедонистической жизни?

Таким образом, это своего рода парадигма, которую предлагает Лукреций, — парадигма материалистических систем. Это одна из вещей, которые, как мне кажется, вы заметите на протяжении всей истории мысли. Можно ли это назвать метафизикой?

Часто, но не всегда, приводит к одному и тому же типу этики. Определенный вид метафизики приводит к одному и тому же типу этики. Не с полной единообразностью.

Иногда это может открыть два или три других возможных направления. Но очень часто гедонистическая этика является результатом материалистической метафизики. И на то есть вполне понятные причины.

Хорошо, есть вопросы или комментарии? Доктор Чаппелл. Признавал ли бы Лукреций чудеса? И если да, то было бы это частью упрощенного толкования? Я не думаю, что он признавал бы чудеса. Хотя я не уверен, что у него было достаточно ясное представление о законах природы.

Чтобы уметь различать естественное и чудесное. Вы видите проблему? Если то, что мы называем естественным законом, — это всего лишь условное различие.

Традиционная организация явлений. Тогда он вполне мог бы сказать о каком-нибудь необычном действии. Что ж, здесь предстоит еще одна классификационная работа.

В произведениях Лукреция порой трудно различить поэтическую традицию, в которой поэт призывает на помощь богов, и традицию, в которой Лукреций обращается к богам. делает.

Вы увидите. И настоящая вера. В той мере, в какой он говорит о богах, а не призывает их.

Он видит в них, в лучшем случае, физических и смертных существ. С очень ограниченными способностями. Хотя, возможно, они обладают сверхчеловеческими способностями.

Но они и впредь не смогут нас беспокоить. Так почему же их бояться? Вы увидите. На самом деле, Лукреций говорит, что главная цель того, что он пишет, заключается именно в этом.

Цель – развеять страхи, которые так долго держали людей в рабстве. В рабстве суеверных страхов. Что-нибудь еще? Да, Джанель.

Есть ли у него представление о душе? Он использует термин «душа». Как и другие греки, он его использует. Он склонен рассматривать душу и жизнь.

По сути, это синонимы. В отличие от виталистов, таких как Аристотель, он не рассматривает душу как состоящую из чего-то отличного от материи.

Душа по-прежнему состоит из атомов. Вы увидите. Это не жизненная сила чего-либо.

И в отличие от дуализма Платона, душа, безусловно, не является вечной нематериальной сущностью. Разумная душа. Нет.

Таким образом, душа — это просто различное сочетание атомов разных типов. Но она так же недолговечна, как и тело. Ведь как только эти маленькие, гладкие, круглые атомы покидают тело, ничто не удерживает их вместе.

Они просто рассеяны. Хорошо. Дэвид.

Да. Да. Ну, я полагаю, можно сказать, что во всем нужна умеренность.

Я не уверен, что нам нужно учиться этому у Эпикура. Но если нужно, учитесь у Эпикура. Нет, я думаю, что главное, что следует помнить о гедонизме, это то, что с точки зрения христианской этики его ошибка заключается не в том, что удовольствие считается благом, а в том, что удовольствие считается благом.

Высшее благо. Всеобъемлющее благо . В конце концов, христианская этика — это не совсем то, что подразумевает под собой аскетический подход в том смысле, что все наслаждения считаются плохими .

Нет, вряд ли. У Демокрита и Люцифа. Да.

Они говорили о том, что всё происходит по необходимости. Да-да. У них одинаковая концепция, или они считают, что это действительно мир случайности и стечения обстоятельств? Да, они по-прежнему говорят о причинной необходимости как о результате материальных процессов, причинно-следственных процессов, столкновений атомов.

Но в этом есть доля случайности, понимаете. Я думаю, что, вероятно, ошибочно цепляться за эту нотку случайности или неопределенности и говорить: «Ах, вот почему свобода возможна». Как будто свобода — это всего лишь случайное событие.

Итак, если свобода что-либо значит, то она означает наличие субъекта, способного выбирать действие без причинной необходимости, понимаете? Кто способен выбирать действие без причинной необходимости? И хотя у них, безусловно, есть элемент случайности, подразумевающий отсутствие причинной необходимости, по крайней мере, без предсказуемости, я не уверен, что у них есть хоть один субъект, свободный в выборе действия.

В некотором смысле случайное действие все же является частью причинно-следственной цепочки. Оно может быть вызвано случайным направлением, но причинно-следственная цепочка все равно существует.

Да. Кстати, в XX веке, когда был открыт принцип неопределенности Гейзенберга, в 1920-х годах, некоторые люди, например, Джон Дьюи, подхватили этот принцип и сказали: «А, это доказывает, что человеческая свобода возможна». Это примерно тот же самый ход, который делают Эпикур и Дюкреций.

Знакомы ли вам принцип неопределенности Гейзенберга? В контексте субмолекулярных процессов. В отношении поведения невозможно предсказать в определенном диапазоне как направление, так и скорость обеих участвующих частиц. Принцип Гейзенберга, который также можно применить к неопределенности у Лукреция, имеет две интерпретации. Одна из них заключается в том, что в природе существует реальная неопределенность, реальная случайность.

А другая причина заключается в том, что наши приборы оказывают неизвестное влияние, поэтому мы не можем ничего предсказать. Другими словами, это

может быть просто признанием научного невежества. И, полагаю, то же самое можно сказать и о лукрецианском отклонении.

Действительно ли это неопределенность, или же мы просто не знаем причину? И трудно представить, как это разрешить. Хорошо, перейдем ко второму пункту в нашем списке — киникам и стоикам. И здесь мы снова возвращаемся к сократовской школе и говорим кое-что о киниках, да, примерно в 400 году до нашей эры. Возможно, вам стоит взглянуть на предисловие Кауфмана к его разделу об эллинистах, потому что у него есть длинный, содержательный абзац о двух главных киренаиках.

А теперь уточню, я говорил о двух главных киренаиках? О двух главных киниках, а именно, мне нужно проверить имя, оно вылетело у меня из головы. Ускользает из памяти, Антистен и Диоген. Антистен, я полагаю, был тем, кого мы сегодня назвали бы контркультурой в полной мере.

В той мере, в какой он отказывался от обычных бытовых условий и обустроил себе ванну. Он избегал всякого организованного общества и социальных институтов. Он утверждал, что люди должны быть полностью самодостаточными и независимыми.

Настолько, что за свой образ жизни он получил имя животного — собака. И, конечно же, греческое слово, обозначающее собаку, — это слово *koupe*, и именно от *koupe* происходит слово «киник». Так что киники, в буквальном смысле, скатились до собачьего состояния.

Их воспринимали как людей, полностью придерживающихся контркультурного, контрсистемного образа жизни. Я бы не сказал, что они были изгоями, но, по крайней мере, они вышли за рамки, жили вне общества. Диоген в том же духе.

Говорят, что Александр Великий услышал о Диогене, пришёл к нему поговорить и спросил, есть ли у него какие-либо дела. На что Диоген ответил: «Да, уходи от света». Так он обращался с властью.

Убирайся с моего света. Убирайся с солнца. Убирайся с дороги.

Вы заслоняете свет. Это совершенно антисистемное отношение. Таким образом, главное значение этих циников заключается в их призыве вернуться к природе.

Возвращаемся к природе. Что для нас подобает по природе? И они отражают определенное напряжение, которое возникло еще во времена Сократа и Платона в Афинах. Напряжение между природой и обычаями или традициями.

Видите ли, *phusis* против *nomos*. *Nomos* означает закон или обычай. Понимаете?

Этика Аристотеля была этикой *phusis*, по природе тем, по природе этим. Видите ли, весь его акцент делается на природе. Философия Аристотеля также коренится в природе человека, в трех элементах души и соответствующих им добродетелях.

Но киники, нет, они тоже обеспокоены, да, возвращением к природе, но природой в другом смысле. Они рассматривают концепции природы у Платона и Аристотеля как просто греческие условности. А вы чувствовали то же самое по отношению к добродетелям Аристотеля? Что конкретные добродетели... В каждом отдельном случае, хотя и не во всех, упоминаются добродетели греческой аристократии .

Видите ли, великолепие — одна из добродетелей. Что ж, это звучит как древнего гомеровские аристократические добродетели.

Видите ли, циники, по-видимому, раскусили это. И поэтому они действительно хотят вернуться к природе, к гораздо более простому, независимому образу жизни.

Без сложности социальных структур, которые, очевидно, сформировались в афинской культуре и которые Платон и Аристотель просто реформировали, но сохраняли. Индивид в своем внутреннем «я» самодостаточен, и нам не нужна собственность.

Нам не нужны правительства. Нам не нужны брак и семья. Полная независимость.

Обратите внимание, что термин «циник» дошёл до нас в несколько ином значении. Понятно? Другое, но в то же время похожее. В чём сходство? Да, это человек, который цинично относится к устоявшимся способам ведения дел.

Хорошо. Человек, который цинично относится к определенным устоявшимся убеждениям. В этом смысле вы видите циника.

Но разница в том, что древний киник выступал за более позитивную альтернативу: самодостаточного индивида, возвращение к очень простому образу жизни в гармонии с природой.

Без атрибутов культуры. Если хотите, вы можете рассматривать основной вопрос как вопрос о том, являются ли проблемы, с которыми сталкиваются люди в этом мире, продуктом культуры, или же они являются продуктом природы, включая человеческую природу.

Думаю, справедливо будет сказать, что Платон рассматривал проблемы общества как порождение человеческой природы, которую необходимо рационально контролировать. В то время как циники, кажется, видят в проблемах продукт культуры.

Поэтому нам нужно вернуться к природе. Циники хотят, чтобы природа спасла нас от культуры. Платон и Аристотель хотят, чтобы культура спасла нас от нашей природы.

А если наоборот. Хорошо. Что ж, это циничное влияние, как вы, наверное, сказали бы, послужило моральной отправной точкой.

Впоследствии это подхватили стоики. В конце концов, акцент делался на стоическом отношении: невосприимчивость к неудобствам и самодостаточность.

Однако для создания стоической философии, для создания стоической философии, было необходимо не только циничное этическое мировоззрение.

Но это была метафизика Гераклита. Так что, если вам нравятся Гераклит и циники, то вместе они породили стоиков. Подобно тому, как Демокрит и киренаики вместе привели к появлению эпикурейцев.

Поняли? А что насчет Гераклита? Надеюсь, вы помните, что Гераклит был одним из тех мыслителей, которые рассматривали природу с двух сторон. У природы есть две стороны: активная и пассивная .

Существует порядок , и существует перемена. Существует структура Логоса, которая обеспечивает упорядоченное единство. И существует мир огненного пара, постоянно меняющего свои проявления.

Всё никогда не повторяется. По сути, стоики перенимают у Гераклита. Космология — это метафизика.

Мы живем в мире перемен, который проходит циклы. Мир огненного распада, в котором все сгорает в огне. А затем постепенно восстанавливается.

Обновление. А затем еще одно огненное объединение. И то, что упорядочивает весь этот циклический процесс космических изменений, — это упорядочивающий принцип.

Тот самый Гераклит , которого я называл , да-да, Логосом. Логос. Смотрите.

Ранняя церковь сознательно, намеренно, переняла стоический Логос, заимствуя этот термин у стоиков.

Об этом мы поговорим через пару недель. Само стоическое движение прошло довольно долгий путь. Раннее стоическое движение было представлено человеком по имени Зенон.

Клеанф и Хрисипп. Это были ранние греческие стоики.

Ранние греческие стоики появились в III веке до н.э. Затем последовал средний период, длившийся еще несколько сотен лет. А потом — расцвет римского стоицизма.

Римский стоицизм, в который входили Сенека, Эпиктет и император Марк Аврелий.

И оказал огромное влияние на Цицерона. Благодаря трудам Цицерона по политической и правовой философии. И формирование римской юриспруденции оказало огромное влияние на формирование всей традиции римского права.

Эта философия затем передалась в Средневековье. Таким образом, политическая и правовая философия в Средневековье и в Новое время находилась под глубоким влиянием стоиков. Так что у вас довольно богатая история.

Часто делится на три части. История стоицизма. III век, греческие истоки.

Средний период ассимиляции. А затем римский период, первые два века нашей эры.